
МУРЗИЛКА
N-2
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников младших классов
ФЕВРАЛЬ
1949
1
ЛЕНИНА

ПРАЗДНИК МОЛОДЁЖИ

Как в моря впадают реки, так и в Москву — столицу всех столиц — со всех концов страны сходятся пути-дороги: водные, шоссейные, железнодорожные и воздушные. В то время, когда вы, ребята, будете читать этот номер журнала, по этим дорогам в Москву будут съезжаться юноши и девушки — делегаты шестнадцати братских республик нашей великой родины. Те, кто живёт поближе к Москве, поедут на автомашинах, кто подальше — на поездах, а самые дальние полетят на самолётах, чтобы скорее добраться до столицы. На вокзалах в эти дни будет особенно празднично, улицы столицы оденутся в кумачёвые наряды.

На какой же праздник собирается молодёжь? — спросите вы.

В жизни нашей страны бывают радостные события, про которые не написано в календаре, а советские люди отмечают их, как большое торжество. Вот такое торжество и произойдёт 24 февраля. В этот день в Москве откроется XI съезд ленинско-сталинского комсомола. На этот съезд соберутся делегаты комсомольских организаций от всех шестнадцати братских республик.

Вы, конечно, не раз слышали весёлую молодёжную песню. В этой песне есть такие слова:

> Куда ни пойдёшь — везде молодёжь,
> И все от рожденья крылаты.

Так оно в жизни и есть. Загляните на морские корабли, что плывут сейчас по морям-океанам, пробивая своей грудью дорогу во льдах. Кто стоит у штурвала и несёт вахту на кораблях? Молодёжь!

Спуститесь под землю в угольные шахты. Там отбойные молотки и врубовые машины вгрызаются в толщи угольных пластов. Кто управляет этими машинами, подавая на-гора чёрный уголь? Молодёжь!

Взгляните в голубое небо. Вот высоко-высоко в воздухе, как огромная серебряная птица, распластал свои крылья самолёт. Кто так бесстрашно водит в высоте машины? Молодёжь!

И если бы вы сели на этот самолёт и пролетели над страной, вы узнали бы много-много интересного о подвигах нашей молодёжи. На берегу реки Амур вы увидели бы замечательный город. Его именуют Комсомольском на Амуре. Ему всего лишь десять лет. Строила его молодёжь. В Северном Ледовитом океане, на самом севере Северной Земли можно было бы заметить с самолёта небольшой остров, который тоже по праву носит имя «Комсомольский»: многие учёные, изучавшие Советскую Арктику, были комсомольцами. Километрах в двадцати от города

Алма-Ата вы увидите высокие горы. Среди этих гор, словно гигантский клык, сверкает на солнце вечными снегами пик Комсомольский. И там побывала отважная молодёжь!

У многих юношей и девушек вы видите на груди комсомольский значок — красный металлический флажок, в центре его звёздочка, а на ней буквы ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи. Несколько миллионов ваших старших братьев и сестёр приняли на себя высокое и почётное звание комсомольцев.

Везде и всюду комсомол!

Когда вы идёте учиться в школу, первыми, кто вас встретит, будут учитель и пионервожатый. Вожатый всегда рядом — он надёжный товарищ и заботливый друг, он поведёт вас в поход, он расскажет об интересной книге, научит заниматься физкультурой.

С любовью и вниманием помогает комсомол учителям воспитывать детей, растить свою боевую смену — пионеров. Большевистская партия поручила комсомолу это огромное дело. Вот почему на съезде комсомола после отчёта Центрального Комитета будет обсуждаться вопрос о школе. Съезд решит, что нужно сделать комсомольским организациям, чтобы ребята ещё лучше учились, чтобы они росли полезными, счастливыми гражданами нашей прекрасной родины.

У каждого комсомольца есть в жизни золотое правило: узнал новое, научился полезному — передай эти знания, свой опыт другим. Этому учил комсомольцев Ленин, этому учит их товарищ Сталин. Комсомольцы твёрдо выполняют наказ великих вождей. Они показывают всей советской молодёжи пример мужества, смелости, настойчивости во всех делах, которые комсомолу поручает выполнять партия большевиков, советское правительство.

Недаром на комсомольском знамени сияют теперь четыре высокие награды за боевые подвиги и трудовые дела.

И недаром, как дорогих гостей, встречает Москва комсомольцев, собирающихся на съезд.

В Москву приедут не все комсомольцы. Делегатами съезда избираются лучшие из лучших. Среди них мы увидим Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, стахановцев фабрик, заводов, шахт, колхозных полей, поэтов, писателей. Все они — члены одной большой комсомольской семьи. Все они носят в своих сердцах имя любимого Сталина.

Делегаты привезут в Москву подарки от молодёжи своих республик любимому Сталину.

Они расскажут товарищу Сталину о великой любви молодёжи к нашей советской родине. Расскажут о замечательных трудовых подвигах молодёжи, которыми гордится наш советский народ.

Лев КАССИЛЬ, Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Рис. В. ВЫСОЦКОГО

ПЯТАЯ РАЗВЕДКА

Близился конец 1941 года. Уже без малого два месяца держалась осаждённая большими силами врага маленькая подземная крепость. Партизаны засели в глубоких Старо-Карантинских каменоломнях близ Керчи. Более двух тысяч немецких солдат днём и ночью караулили район каменоломен, страшась новой вылазки партизан.

Немцы завалили камнями, залили цементом наглухо, замуровали и заминировали все входы в каменоломни. Но замурованные партизаны вели под камнем такую жизнь, какую полагается вести советским людям.

Когда все выходы на поверхность были врагом обнаружены и закрыты и остался лишь один, очень узкий, едва приметный лаз, через который не мог протиснуться ни один разведчик, решено было снова выпустить в разведку пионера Володю Дубинина.

Из всего партизанского отряда только юркий, маленький Володя мог пролезть в эту ещё не замеченную врагами щель.

Четыре раза выходил Володя в разведку на поверхность земли. Теперь в пятый раз ему предстояло пройти в город, узнать, что происходит на захваченной фашистами советской земле. Решено было выпустить Володю перед рассветом, чтобы он мог в темноте выбраться за пределы каменоломен, проникнуть затемно в посёлок, а там уже действовать, когда будет светло.

Наверху была оттепель. Снег, по которо-

му полз Володя, уже слежался и оседал под тяжестью тела целыми пластами. С моря доносился неумолчный гул прибоя. Но вокруг каменоломен было очень тихо; ни звука не слышалось со стороны посёлка. Только где-то на окраине стучал движок-мотор.

Володя благополучно прополз знакомой ложбинкой, щупая руками дорогу перед собой, чтобы не напороться в темноте на проволоку, не зацепить верёвочные щупальцы мин. Несколько раз он замирал, прислушиваясь. Тишина начинала казаться ему уже странной. Всегда в этот час уже хлопали двери и калитки в посёлке, перекликались хриплые голоса патрульных, урчали прогреваемые моторы грузовиков. А сейчас ничего не было слышно...

Обычно Володя ждал часа, когда на улицах посёлка начиналось движение: тогда можно было, смешавшись с народом, следовать своим путём, не привлекая внимания. Но сегодня нигде не было видно ни живой души. Тогда маленький разведчик, которому уже наскучило сидеть за каменной оградой, тихонько вышел на улицу, пересек её быстро и пошёл огородами вдоль посёлка, в котором всё казалось словно вымершим.

Володя шёл туда, откуда доносился настойчивый стук движка. Вскоре он оказался на пустыре, перед большим домом. Прежде там жил инженер, который теперь эвакуировался. В доме помещался ныне немецкий штаб. Здесь всегда по утрам царило оживление: подъезжали машины, мотоциклеты, толпились солдаты...

Пусто и мертво было здесь сегодня. Не было часового под большим деревянным грибом у ворот. Только в глубине двора, под навесом, продолжал стучать движок на высоких железных колёсах.

Володя подобрался немного поближе и остановился в изумлении. Стекло в большом доме инженерского дома было выбито. Штора затемнения, наполовину оборванная, клочьями свисала на подоконник. А за ней Володя увидел что-то пёстрое, сверкающее, повитое гирляндами многоцветных огней...

Мальчик смотрел на это волшебное видение, напоминавшее ему такие чудесные дни. Он боялся поверить тому, что видел. Это была ёлка. Ёлка в огнях, в игрушках и бусах, опоясанная радужными огнями электрических лампочек. Они ярко горели за разбитым окном, в сумраке горницы, в которую заползал сизоватый свет зимнего утра.

С каждой минутой становилось всё светлее и светлее на улице, и вместе с тем тускнели ёлочные огни за окном. А Володя, ничего ещё не понимая, глядел из-за угла сарая в этот странный мир, так внезапно застывший, полный неподвижности и молчания. Перед ним простиралось какое-то мёртвое царство, как в сказке о спящей царевне.

Утренний ветер упал. Всё молчало кругом. Только движок под навесом стучал попрежнему часто, настойчиво, упорно, словно хотел разбудить этот заснувший мир. Провода от двигателя, толстые кабели тянулись к дому. И Володя пошёл вдоль них, подошёл к крыльцу, тихонько постучался. Никто не ответил ему. Он прошёл к окну; ухватившись за подоконник снаружи, подтянулся так, чтобы заглянуть внутрь комнаты.

Страшный беспорядок был в ней. Видно было, что люди внезапно бежали отсюда, побросав всё... Ничего ещё не понимая, но охваченный предчувствием каких-то удивительных событий, только что свершившихся здесь, не понимая ещё их значения, полный страха и надежд, Володя бежал по улице к центру Старого Карантина. И вдруг до него донеслись мерные звуки слаженного шага многих людей. Он остановился разом. Прислушался, так захлебнулся воздухом, что долго не мог откашляться, припал к калитке дома, которая открылась от толчка. Звуки приближались.

И вот он увидел наконец... В быстро рассеивавшемся сумраке утра, словно сгоняя его прочь с земли, шли люди в таких знакомых Володе чёрных бушлатах, в чёрных шинелях, перехваченных ремнями, в звёздных бескозырках, плоско пришлёпнутых, сдвинутых на брови... Но если бы даже не разглядел Володя столь знакомых ему бушлатов и черноморских «блинов» с ленточками, звёздами, всё равно с одного взгляда понял бы он, что это идут свои. Как не похожа была эта уверенная хозяйская поступь на парадный гусиный шаг прусской выучки, каким ходили ещё недавно часовые

у немецкого штаба, шаг с носка, на вытянутых, словно окоченелых, ногах!

И уже ни о чём не думая, рывком перемахнув через ограду, кинулся Володя навстречу своим. Он с разбегу бросился прямо на грудь шедшего впереди с автоматом на руке высокого моряка в фуражке с козырьком и с красной звёздочкой, должно быть старшины.

— Дяденька, дядечка!.. Товарищ командир, ой, ура! Ой... Разрешите обратиться? — бормотал он, ухватившись за отвороты бушлата на командире.

Старшина немного оторопело глядел на него, стараясь отодрать Володины руки от своего бушлата. О грудь его колотилась лохматая голова, с которой упала на мёрзлую землю ушанка. Полные радости глаза смотрели с невероятно чумазого, закопчённого мальчишеского лица.

— Тю, ты что? Сказился? Ты откуда, такой дух чёрный, выскочил? — смущённо спрашивал старшина. — А ну, отцепись, что ты в самом деле?

Володя отпустил командира, справился с волнением и восторгом, которые бушевали в нём уже безудержно, отскочил на шаг, вытянулся, приложив руку к шапке.

— Разрешите обратиться, товарищ старшина?.. Командир группы юных разведчиков партизанского отряда Старого Карантина — Дубинин Владимир прибыл в ваше распор... то есть нет... Вы же сами прибыли... Дядя, вы от Черноморского флота? А немцев уже повыгнали, да? Ой, вот уж, ура-а!..

Володя продолжал держать руку у шапки, что есть силы старался соблюдать положенный воинский порядок, но сбивался, путаясь от счастливого смущения.

— Да ты хоть стань вольно, — сказал старшина. — Говори толком: кто такой? почему, как дух, чёрный весь? Отряд, стой! — крикнул он своим.

Моряки остановились. Задние через головы стоявших впереди с любопытством разглядывали тяжело дышавшего мальчугана с жарко горевшими от радости глазами. «Верно, что дух...» — «А глазёнки-то, как подшипнички катаются — обрадовался», — послышалось из рядов.

— А ну, кончай! — прикрикнул на своих старшина и обратился к Володе, слегка склонившись к нему: — Выкладывай живенько, какой такой отряд, что за партизаны.

— Дядя старшина, товарищ командир, мы тут в каменоломнях два месяца уже... Нам все ходы немцы цементом залили, а кругом заминировали... У нас тут бой вышел, дядя старшина... Я вам сейчас всё скажу...

И вдруг Володя почувствовал, что он сейчас постыдно расплачется, заревёт, как девчонка. Он сам не мог понять, что с ним происходит, но ничего не мог сделать с собой. Губы у него разъезжались в стороны, горло перехватывало, он хотел сказать ещё что-то, но махнул рукой, схватил командира за рукав и ткнулся лицом в толстое чёрное сукно бушлата, где был нашит красный суконный знак минера.

— Ну чего ты? Подберись, малый, — успокаивал его старшина. — Натерпелся, видно, мальчонка... Теперь уж чего горевать-то? Полный порядок. Гансам крышка. Ты давай, малый, подберись да выкладывай, что тебе нужно...

Через пять минут старшина уже знал все подробности о старокарантинских партиза-

нах и о подземной крепости, в которой были замурованы девяносто смельчаков.

— Надо будет вызволять твоих, — решил старшина, внимательно выслушав весь рассказ маленького разведчика.

— Нет, нет! — забеспокоился Володя. — Вы так сразу туда не идите, там кругом всё заминировано. Двое наших разведчиков подорвались, чуть было вылезли... Надо сперва там разминировать. Я вам покажу, дядя, где ход туда. Вы только скажите: немцев уже всех повыгнали отсюда? А в Керчи тоже уже наши?

— Наши, дорогой, наши, со вчерашнего дня уже. Десант был на Феодосию и на Керчь. Шторм только выдался некстати, а то бы ещё позавчера высадку кончили.

Володя узнал всё, что произошло за последние два дня.

А произошло вот что. В тёмную декабрьскую ночь корабли Черноморского военного флота неслышно приблизились к берегу и начали высадку десанта в нескольких пунктах Керченского полуострова. Море в ту ночь бушевало, стоял десятиградусный мороз. Суда обледеневали. Шторм усиливался, чёрные валы грозили выбросить на берег корабли, смыть с берега и унести в море высаживавшихся десантников. Но моряки и красноармейцы прыгали в ледяную воду, пробирались погружённые по горло к берегу, закреплялись на каждом камне. Шторм помешал выбить немцев с первого удара. Гитлеровцы считали, что они уже справились с десантом.

На море продолжал свирепствовать шторм, и немцы полагали, что советское командование не возобновит своих попыток. Но неожиданно в кромешной тьме, в бурю и стужу декабрьской ночи последовал второй удар. Он был так стремителен и внезапен, что в Старом Карантине, где офицеры справляли рождественскую ёлку, захваченные врасплох немцы едва успели бежать из посёлка. Они не успели даже выключить мотор передвижной электростанции, которая давала ток в штабные помещения.

После высадки первого десанта немцы выгнали из Старого Карантина всех жителей. Вот почему такая тишина встретила в посёлке Володю, когда он выбрался из каменоломен на поверхность. Теперь со всех сторон тянулись люди, возвращавшиеся в свои жилища.

Маленький разведчик сразу подумал о своей матери. Как захотелось увидеть её после двухмесячной разлуки или хоть передать ей, что он, её Володька, жив! Но он знал, как томятся ожиданием ничего ещё не знающие партизаны, замурованные, заживо погребённые под землёй.

Надо скорее выпустить друзей из тёмного душного подземелья на белый свет, на освобождённую советскую землю!

Володя решительно оправил стёганку и зашагал к каменоломням, стараясь попасть в ногу с моряками.

Пётр КОМАРОВ

Рис. С. БОЙМА

ЮНГА

Паренёк идёт в тельняшке,
Подпоясанный ремнём,
И звезда на медной пряжке
Золотым горит огнём.

Он идёт легко и скоро,
Чуть ботинками пыля.
Это юнга с монитора,
С боевого корабля.

Он приехал в гости к маме
И со вторника уже
Проживает рядом с нами
На четвёртом этаже.

Мы расспрашивали юнгу,
Как от берега вдали,
Строй выравнивая в струнку,
Ходят в море корабли.

Как, выбрасывая пламя,
С мониторов пушки бьют,
Как сигнальщики флажками
Им сигналы подают...

Нам хотелось между делом
Разузнать наедине,
Для чего он тёртым мелом
Чистит пряжку на ремне.

Усмехнулся он,
Как будто
Наших слов не разберёт:
— Вы, ребята, сухопутный,
Непонятливый народ...

Мы хотя и возражали,
Но весёлой чередой
Сами гостю помогали
Чистить пряжку со звездой.

Только утром нас разбудят —
Мы бежим к нему скорей.
Жаль, что дома он пробудет
Лишь всего пятнадцать дней...

В. ЧАПЛИНА *Рис. В. КОНОВАЛОВА*

ДЖУЛЬБАРС

Когда Джульбарса подарили Коле, он был ещё совсем маленьким щенком. Коля очень обрадовался такому подарку: ведь он давно мечтал себе завести хорошую породистую овчарку.

Много положил трудов Коля, пока вырастил Джульбарса. Сам за ним ухаживал, кормил, выводил гулять, зато когда Джульбарс вырос, Коле завидовали многие мальчики, — такая у него была красивая и умная собака.

Утром Джульбарс будил Колю: лаял, тащил с него одеяло, а когда Коля открывал глаза, спешил ему принести одежду. Правда, иногда Джульбарс ошибался и вместо Колиной одежды приносил папины калоши или бабушкину юбку, но он так забавно торопился, так старался скорей всё собрать, что никто на него не сердился. Потом Джульбарс провожал Колю в школу. Важно, не спеша, шёл он около своего юного хозяина. Нёс ему ранец с книгами. Иногда случалось, что ребята, балуясь, кидали в Колю снежки. Тогда Джульбарс загораживал его собою и скалил зубы. А зубы у него были такие большие, что при виде их мальчики сразу переставали бросаться снежками.

Джульбарс никогда не расставался с Колей. Они были всегда вместе, а если Коля уходил один, Джульбарс ложился около двери, прислушивался к каждому шороху и скулил.

Все знакомые называли их «неразлучниками», и никто не мог даже подумать, что Коля когда-нибудь добровольно расстанется со своим любимцем. Однако это случилось на второй день после объявления войны. Долго не мог уснуть в ту памятную ночь Коля, ворочался с боку на бок, несколько раз зажигал свет и всё смотрел на Джульбарса.

Утром Коля встал раньше обычного. Он старательно вычистил Джульбарса, потом надел ему новый ошейник и вышел с ним из дому. Обратно Коля вернулся один. В комнате было как-то пусто, неуютно, а на коврике, где всегда спал Джульбарс, валялся его старый ошейник. Коля взял ошейник, и слёзы застлали его глаза. Ему было очень жалко Джульбарса, но ещё сильнее хотелось сделать что-нибудь для Красной Армии, большое, хорошее...

Так попала в воинскую часть собака по кличке Джульбарс. Направили её в подразделение миноискателей.

Много трудов стоило бойцу Иванову приучить к себе собаку. А сколько терпе-

ния приложил он, чтобы обучить её! Нужно было научить Джульбарса найти мину, около неё сесть и этим показать дрессировщику, где она находилась. Не каждая собака годится для такого дела. Тут нужно хорошее чутье, послушание и старательность. Как раз то, что было у Джульбарса.

Сначала его приучали находить специально зарытые мины, которые не могли взорваться, и за каждую найденную давали кусочек мяса. Но Джульбарс работал не за мясо. Бывало найдёт мину, сядет возле неё, а сам так умильно на Иванова поглядывает, хвостом машет, ждёт, пока его похвалят.

Все удивлялись чутью и понятливости Джульбарса. Не было случая, чтобы он ошибся или пропустил мину. И куда её только ни прятали: зарывали в землю, подвешивали, клали в комнате среди вещей, а сверху в несколько рядов закрывали одеялами, и всё равно Джульбарс находил. Иванов очень гордился своим учеником, и не зря. Скоро Джульбарс стал гордостью не только Иванова, но и всей части. А случилось это так. В их подразделение пришёл приказ, чтобы срочно выделить лучшую собаку-миноискателя и перебросить её на самолёте по месту назначения.

Иванов совсем недавно закончил обучение Джульбарса, и всё-таки командир подразделения решил послать именно его. «Джульбарс не подведёт», — сказал он.

Не успел самолёт приземлиться, а Иванов с Джульбарсом вылезть из кабины, как им тут же было дано распоряжение итти на аэродром.

Никогда не волновался так Иванов, как выполняя это первое боевое задание.

Задание было очень ответственное. Отступая, немцы заминировали аэродром. В это время шли дожди. Потом сразу ударил мороз, и аэродром покрылся толстой ледяной коркой, под которой и находились мины. Специальные приборы для нахождения мин не могли помочь. Щупы не входили в мёрзлую землю, а миноискатели не действовали, потому что мины были зарыты в деревянных оболочках.

Вместе с сопровождающими его минёрами Иванов подошёл к небольшому торчавшему из земли колышку На колышке была прибита дощечка с короткой чёрной надписью: «Мины»,

Минёры остались тут, а Иванов окликнул Джульбарса и громко, внятно сказал: «Ищи!»

Джульбарс натянул повод и повёл за собой Иванова. Джульбарс шёл медленно, не спеша, вынюхивал каждый сантиметр земли этого огромного поля. Он шёл и вёл за собой хозяина, метр... два... три... десять, нигде не останавливаясь, не задерживаясь.

Сначала Иванов шёл спокойно, потом его вдруг охватило сомнение: «А что, если... что, если Джульбарс пропускает мины?» От этой мысли ему стало жутко. Иванов остановился, одёрнул Джульбарса.

— Ищи... ищи!.. — почти закричал он, показывая на землю. — Ищи...

Джульбарс удивлённо посмотрел на хозяина и опять потянул дальше. Вот они уже совсем далеко от той маленькой, с чёрной надписью дощечки. Сзади издали им что-то машут и кричат оставшиеся около неё люди, но что именно — Иванов не может понять. Одна назойливая мысль не оставляет его: «Неужели... неужели Джульбарс пропускает мины?..»

Он даже не заметил, как Джульбарс вдруг резко изменил направление и сел. Джульбарс сидел так же, как это делал на учёбе, когда находил зарытую мину. Он смотрел то на еле приметный холмик около своих лап, то на хозяина. А Иванов? Иванов обхватил голову Джульбарса и крепко прижал его к себе. Потом над местом, где была зарыта мина, он воткнул красный флажок и пошёл дальше.

Словно красные цветы распускались флажки то в одном, то в другом месте, и скоро ими было усеяно всё поле. А через несколько часов около них уже хлопотали минёры. Они вытаскивали и обезвреживали мины.

Прошло несколько лет. За это время Джульбарс нашёл тысячи мин. Отступая, немцы минировали всё — дома, вещи, посуду, кушанье... Одним словом, всё, до чего мог дотронуться человек. Но Джульбарс своим чутьём разгадывал самые хитрые уловки врага и этим спасал жизнь многих людей. Не раз он спасал жизнь и своему хозяину.

Однажды, освобождая от мин дома, Иванов зашёл в брошенную немцами квартиру. Комнатка, в которую он вошёл, была маленькая и уютная, а остатки еды на столе показывали на то, что её владельцы ушли очень поспешно. Этот мирный вид комнаты и обманул Иванова.

Забыв осторожность, он хотел пройти в соседнюю комнату и уже подошёл к двери. Но вдруг Джульбарс быстро опередил хозяина. Он сел на самом пороге и загородил проход. Иванов не понял собаку. Он взял Джульбарса за ошейник и хотел отстранить. И тут всегда послушный Джульбарс неожиданно огрызнулся, вывернулся из рук хозяина и вновь загородил ему дорогу. «Нет, здесь что-то не так...» — подумал Иванов. И действительно, под порогом двери, в которую он хотел войти, оказалась спрятанная мина.

Всю войну Иванов не расставался с Джульбарсом: побывал с ним в Смоленске, Белоруссии, Польше; конец войны застал их в Берлине.

Домой Иванов возвращался не один. Рядом с ним в поезде сидел его верный помощник Джульбарс.

Когда Иванов приехал в Москву, он послал письмо Коле. Он написал ему о том, как хорошо работал его воспитанник, как не раз спасал ему жизнь, и что хоть он, Иванов, очень привык к Джульбарсу, Коля в любое время может его взять.

Но Коля не взял Джульбарса. Он ответил, что растит ещё собаку, назвал её тоже Джульбарсом и, когда она подрастёт, обязательно тоже подарит Красной Армии.

ЗАГАДКА

Не пробить мою броню,
Не догнать меня коню.
А характер мой — упрямый.
Пробираюсь через ямы,
Через рытвины и кочки,
Через рощи и лесочки,
Всё сметаю на пути,
Что мешает мне пройти.

Мих. ДАВЫДОВСКИЙ

ЗА РОДИНУ!

ЗА СТАЛИНА!

Рис. В. ЩЕГЛОВА

Сергей МИХАЛКОВ

Рис. К. КАЩЕЕВА

МОРОЗ И МОРОЗЕЦ

(Литовская сказка)

Жил когда-то дед Мороз.
У него внучонок рос.
Всем хорош Морозец был,
Да похвастаться любил:
— Дед силён, а я сильней,
И кусаюсь я больней!
Я моложе на сто лет!
Заморожу целый свет!

Вот Морозец как-то раз
В чистом поле, в поздний час,
Видит, едет, сыт и пьян,
В толстой шубе толстый пан.
Кони барина везут.
Наш Морозец тут как тут!
Рядом с паном в сани сел —
Нос у пана побелел.
Пан не чует рук и ног,
Весь до косточек продрог,
Льдинки сыплются из глаз...
Пробил пану смертный час!
Не спасли его меха,
Рукавицы и доха.

— Что ты кверху поднял нос? —
Встретил внука дед Мороз.
Усмехнулся внук в ответ:
— Шуба есть, а пана нет!
И не вылез из мехов,
Как промёрз до потрохов!
Ты силён, а я сильней,
И кусаюсь я больней!
Заморожу целый свет!
— Ладно, внучек, — крякнул дед. —
Заморозишь! А пока
Заморозь-ка мужика!
— Где? Какого?
— Вон в бору
Рубит сучья поутру!..

Заглянул Морозец в бор,
Где звенел в тот час топор.

Видит: тощий мужичок,
Затянув свой кушачок,
Зипунком прикрыт едва,
Рубит сучья на дрова.
— Ну-ка, внучек! — молвил дед. —
Одолеешь или нет?
— Да таких хоть десять штук! —
Не моргнув, ответил внук.

Как пришёл Морозец в лес,
Мужику в зипун залез —
Пробирает мужика,
Больно щиплет за бока,
За нос, за уши дерёт,
Прямо за душу берёт!

А мужик, знать, крепок был, —
Так и рубит, как рубил,
Так и машет топором,
Разбирает бурелом.

Призаморится, вздохнёт,
Только пот с лица смахнёт,
Чуть присядет на пенёк:
— Жаркий выдался денёк!..

Час ли, два часа прошло —
Время быстро утекло.
Мужичонка, жив-здоров,
Навалил на санки дров,
За кушак топор заткнул
И до дома повернул.

— Ты чего повесил нос? —
Встретил внука дед Мороз.
Что ответил деду внук,
Здесь писать нам недосуг,
Только скажем: с этих пор,
Как берёт мужик топор,
Так Морозец — ни гу-гу! —
Тихо дремлет на снегу...

Владимир ЛИФШИЦ *Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ*

ТОВАРИЩИ

По ленинградской улице —
Широкой и прямой —
Два друга, два товарища
Из школы шли домой.

А впереди товарищей,
Горбатый, как крючок,
По ленинградской улице
Шёл старый старичок.

И видят два товарища,
Как ветром от Невы
Вдруг шляпу у прохожего
Срывает с головы.

И он спешит по улице,
С портфелем на весу,
За шляпою, что катится,
Подобно колесу...

Один из двух товарищей
Схватился за бока!
Второй из двух товарищей
Жалеет старика.

Один из двух товарищей
От радости визжит!
Второй из двух товарищей
За шляпою бежит.

Один из двух товарищей
Хохочет у ворот!
Второй идёт к прохожему
И шляпу подаёт.

С поклоном двух товарищей
Старик благодарит:
— Спасибо вам, товарищи, —
Он громко говорит. —

Спасибо вам, товарищи!
Я старый инвалид,
И очень быстро двигаться
Мне доктор не велит...

Я это происшествие
Увидел из окна,
Откуда мне вся улица
Широкая видна.

Любил я двух товарищей
До нынешнего дня,
А с кем из них поссорился —
Решайте за меня!

Я. ТАЙЦ

Рис. А. КОКОРИНА

Коньки

Вот живут брат и сестра — Костик и Тома. Томе в августе исполнилось десять лет, и папа подарил ей коньки «снегурки». Это самые лучшие коньки для начинающих. А Тома — начинающая. Она не умеет кататься, но она зимой видела, как другие катаются, и всё время твердила:

— Папа, хочу коньки! Папа, хочу коньки!

Вот он и подарил ей коньки. Они — как санки. Широкий полоз загибается вверх. Сзади — шпенёк. По бокам — «лапки».

Вставишь шпенёк в дырочку в каблуке, завинтишь потуже ключом «лапки» — и мчись, куда хочешь, лишь бы под ногами было хоть немного льда или снега.

Костик сказал:

— Папа, а мне коньки?

— Тебе ещё рано, пожалуй, — ответил папа. — Через год, когда тебе исполнится восемь, тогда...

А Тома сказала:

— Костик, помни: коньки — мои!

Костик не стал спорить. Да и глупо было бы спорить сейчас, когда за окном стоит жаркий день, и все ходят в майках и трусиках и пьют на каждом углу газированную воду.

Потом наступила осень, и Тома начала готовиться к зиме. Она достала специальный костюм для коньков: лыжные штаны, лыжную кофту с «молнией», шапочку с голубым помпоном и голубой шарф, который будет развеваться на бегу.

Тома ясно представляла себе, как она

выйдет на бульвар, заложит руку за спину и помчится на своих «снегурках». И все прохожие будут смотреть на неё и думать: «Как ловко бегает на коньках эта девочка в шапочке с помпоном!»

И вот выпал первый снег. Кругом сразу посветлело. Папа стамеской выдолбил в Томиных каблуках дырки и приладил пластинки. А Тома надела свой костюм и стала привинчивать коньки. Но снег тем временем растаял.

Назавтра выпал второй снег. Тома достала было коньки, но тут и второй снег растаял.

Тома сердилась на погоду. Каждый вечер она слушала радио. Наконец сказали: «Ожидается похолодание, небольшой мороз».

Тома встала рано, кинулась к окошку — верно! Улица покрыта ледком. Все идут осторожно, ворчат:

— Ох, и скользко!

А Тома радуется. Она поскорей надела лыжные штаны, кофту, шапочку, повязалась шарфом, приладила коньки и шагнула к двери. Вдруг коньки подогнулись, и Тома схватилась за дверь, чтобы не упасть. Но дверь отворилась, и Тома повалилась на стул. Стул опрокинулся, и Тома упала на пол.

Костик засмеялся, а Тома сказала:

— Ничего смешного! Конечно, на коньках в комнате нельзя. Сам бы попробовал!

— Дай, — сказал Костик, — попробую.

Но Тома ничего не ответила, ухватилась за стул и давай его толкать. Толкала-толкала, пока не выбралась на крыльцо. Там ступеньки. Как по ним спуститься? Со стулом нельзя, он широкий, а без стула — страшно!

Тома постояла на крыльце, потом позвала:

— Косточка!

— Что?

— Помоги!

Костик надел пальто, шапку, валенки, вышел на крыльцо и помог Томе спуститься со ступенек.

— Вот! А теперь я поеду, — сказала Тома. — Пусти!

Она думала, что это легко. Она заложила руки за спину, оттолкнулась... и вдруг как грохнется наземь!

Костик подбежал к ней, помог подняться. Тома вцепилась в него:

— Косточка, ой, только не уходи! Ой, держи меня, я падаю. Нет, я еду куда-то...

— Да я тебя держу, — ответил Костик. — Пойдём на бульвар, там лучше!

— Боюсь, — ответила Тома. — Тебе хорошо, когда ты не на коньках.

— Дай мне тогда...

— Нет, я сама... Пойдём!

Бульвар тут же рядом. Но как дойти до него, когда ноги едут не туда, куда нужно, а куда им вздумается!

— Ой, сейчас упаду! Давай лучше туда меня толкай, к ступенькам. Ой, только не отпускай меня, Косточка, миленький!

Костик кое-как помог Томе вернуться к ступенькам. Тома села, сняла коньки и легко вскочила на ноги. Ох, как хорошо без коньков!

— Томочка, дай мне...

— Нет, я сначала...

Тома побежала на бульвар. Костик побежал за ней. Там было много ребят. Они все ловко катались на коньках. Тома села на скамейку, привинтила коньки, осторожно встала... Вдруг коньки сами собой поехали, и Тома с размаху хлопнулась на скамейку.

— Что ж ты сидишь? — спросил Костик. — Боишься? Да?

— Да нет... просто посидеть захотелось.

— Тогда дай мне!

— Нет!

Тома вздохнула, встала и, держась за Костика, нерешительно двинулась вперёд. Но тут одна нога поехала вправо, другая — влево, а всё остальное осталось где-то позади. Костик не смог удержать её, и Тома растянулась во весь рост поперёк аллеи.

— Плохие коньки! — закричала она, лежа на снегу. — На вот тебе, на, -бери!

Она сердито сняла один конёк, другой и бросила их Костику.

— Томочка, а ботинки? — взмолился Костик.

— На вот тебе и ботинки, и ключ... Всё — на!

Она сняла ботинки, сунула ноги в Костины валенки и побежала домой. А Костик остался на бульваре. Он долго не возвращался. В обед пришёл папа, спрашивает:

— Где Костик?

— На бульваре.

— Что ж он там делает?

— Не знаю. Падает, наверное.

— Пойдём его искать!

Папа с Томой вышли на бульвар. И тут они увидели Костика. Красный, потный, с синяком на лбу, весь облепленный снегом, он весело подкатил к ним на Томиных коньках. Тома глазам своим не верила.

— Научился? — крикнула она.

— Научился! — ответил Костик, лихо взял под козырёк и понёсся вдоль аллеи на блестящих «снегурках».

— Отдай! — крикнула Тома. — Это мои!

— Пусть его, — сказал папа, — я тебе другие куплю.

И купил. И теперь Костик учит Тому кататься:

— Ты только посмелей, Томка! Не бойся. Тогда научишься...

ЗАГАДКА

Мы и писать,
Мы и носить,
Мы и тесать,
Мы и косить.

Всё мы умеем:
Нужно — заклеим,
Нужно — сошьём.
Поле засеем,
Выстроим дом.

Мы и портные,
И плотники...
Вот мы какие
Работники!

Мих. **ДАВЫДОВСКИЙ**

Наша древняя столица

Наталья КОНЧАЛОВСКАЯ *Рис. В. КОНАШЕВИЧА*

Из книги второй

Как должна была столица
На два города делиться.

Был похож наш город древний
Не на город, на деревню,
На деревню, на село,
Только время то прошло.
Городишко бедный, скромный
Превратился в град огромный.
Две стены вокруг стоят,
Охраняют этот град.
Сердце града — Кремль старинный,
Окаймлён рекой Неглинной.
От Кремля идёт вокруг
Белый город царских слуг.
В Белом городе богаты
И бояре и купцы,
В Белом городе палаты,
И хоромы, и дворцы.
Стены в шашечку гранёны,
Кровля высится венцом,
На балясинках точёных
Верх шатровый над крыльцом.
Или мраморные плиты
Украшают весь фасад.
За стеной, вьюнком увитой,
Расцветает пышный сад.
Тут заморский цвет миндальный
В кадках выращен в саду,
По воде плывёт хрустальной
Белый лебедь на пруду.
А внутри хоромы тоже
Облицовки не простой,
Золотой обиты кожей
Иль расшитою тафтой.
Своды в росписях увиты
Золотым лепным шнуром,
Лавки сукнами обиты,
Пол покрыт цветным ковром.
В терему зимой холодной
Чистота, тепло, уют;
Для боярыни дородной
Девки песенки поют.
Сам боярин ходит в славе,
Он в почёте, весел, сыт;
Кверху бороду уставя,
В царской думе он сидит.
Служит он царю и богу,
Хорошо живёт, в тепле,
На неведомой налогу
Государевой земле.
Оттого зовётся «белой»
Государева земля,

Что живут в её пределах
Слуги царского Кремля.
Вот она стоит, стена,
И Москва разделена.
За стеною — «чёрный» город,
Назывался — Скородом,
Потому что очень скоро
Обнесли его кругом,
Крепостной стеной дубовой.
В «чёрном» городе живёт
И военный,
И торговый,
И ремесленный народ.
Будь богатый иль убогий,
Если ты построил дом, —
Платишь ты царю налоги
За землицу под жильём.
Жили люди слободами,
Жили собственным трудом,
И не чистился годами
Этот город Скородом.
В переулках немощёных
По колена грязь весной,
Во дворах неосвещённых
Лают псы во тьме ночной.
За церковною оградой
Красноватые лучи —
Негасимые лампады
Робко светятся в ночи.
И когда поутру грянет
Колокольный звон церквей,
Скородом от сна воспрянет
К жизни будничной своей.
В Скородоме утром рано
Закипает жизнь везде:
Кузнецы куют таганы
На Таганской слободе;
Кузнецы для печи банной
Отливают медный чан;
Старый пекарь на Басманной
Выпекает хлеб — басман;
А калачики да булки
Выпекают пекаря
На Калашном переулке
Для бояр и для царя.
На Рыбачьей на слободке,
Под названьем Бережки,
Рыбаки пускают лодки
На простор Москвы-реки.
Топоры на бойнях точат
На Мясницкой слободе,
В Сыромятнях кожи мочат
В быстрой яузской воде.
И уже на кровлях мглистых,
Словно чёрные дрозды,
Копошатся трубочисты
Трубниковской слободы.
И работает до поту
В Скородоме чёрный люд;
За тяжёлую работу
Мастерам гроши дают.
Так трудна и тяжела
В Скородоме жизнь была.

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

В зимнюю стужу

Январь, февраль — месяцы лютого холода. Лёд и снег покрыли землю. Большинство птиц улетело от нас в южные страны, а те, что остались зимовать в наших краях, стараются кое-как пережить это трудное время.

Но есть и такие птицы, которым не страшна зимняя стужа.

Вот, например, клесты. Весело перекликаясь, летают они по хмурому зимнему бору. Рассядутся по верхушкам старых елей, там, где спелые румяные шишки, как груши, висят; рассядутся и примутся из шишек семена вышелушивать.

Клесты очень ловко по веткам лазают и лапками и клювом цепляются, совсем как попугайчики. И расцветка у клестов, как у попугайчиков, яркая: самцы красноватые, а самочки зеленовато-оливковые.

Но самое интересное у клестов — это клюв: он у них крест-накрест изогнут, верхняя половина вниз загнута, а нижняя — вверх. Таким клювом клесту очень удобно у шишек из-под чешуек семена доставать.

Замечательные птички — клесты, красивые, весёлые, настоящее украшение наших зимних лесов. Не страшны им ни метели, ни бураны. Даже самый лютый мороз нипочём. В этом я однажды и сам убедился.

Охотились мы как-то с приятелем за белками. Идём по лесу. Мороз, тишина, ни одна ветка не шелохнется, только деревья поскрипывают. Вдруг слышим, наша собака белку облаивает. Подходим ближе, смотрим — собака вокруг высокой ели прыгает, лает, а белки не видно. Уж мы и кричали и палкой по дереву стучали, а она притаилась в ветвях, не шевельнётся.

Нечего делать, пришлось на дерево лезть, чтобы белку спугнуть. Полез я, а товарищ внизу стоит, караулит. Лезу я. Вдруг прямо надо мною птичка выпорхнула, закружилась вокруг меня, запищала и прочь не летит.

Что за диво? Заглянул я под ветки, откуда она выпорхнула: там будто голубая снежная пещерка, а в пещерке на суку гнёздышко свито. Смотрю я — и глазам не верю. Копошатся в гнезде четыре крохотных птенчика, да совсем ещё голенькие, розовенькие; копошатся, ротики раскрывают...

Глядя на них, мне даже в шубе холодно стало. Кругом снег, стужа, а они голенькие, как не замёрзнут?! Я и про белку забыл, скорей вниз полез, чтобы птичку-мать не тревожить, — пусть своих птенчиков греет.

Только стал спускаться, она сразу в голубую пещерку юркнула.

Слез я с дерева и приятелю всё рассказал. А он говорит:

— Это ты гнездо клестов нашёл. В сытый год, когда хороший урожай шишек, они иногда и зимою детей выводят.

Удивился я:

— Да чем же они их кормят? Ведь зимой червяков нет.

— Им червячки и не нужны, — отвечает приятель. — Они птенцов отрыжкой хвойных семян кормят, а чтобы птенцы не замёрзли, мать с гнезда почти и не слезает, пока они не оперятся. Вот им, значит, и зимой тепло и сытно живётся.

ЗАМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА

На странице 5, в левой колонке, 10-я строка снизу, напечатано: «доме», следует: «окне».

Рисунок на обложке В. Высоцкого, А. Кокорина

Рукописи не возвращаются Техн. редактор А. ГУБЕР

Год издания двадцать шестой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1-06. Подписано к печати 19/I1949 г. А01270 Объём 3 печ. л. 2,8 уч.-изд. л., 23 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ 2433

Типография «Красное знамя» изд.-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.
Обложка отпечатана на ф-ке им. Дунаева. Зак. 44-Д.

Рис. Н. ЖУКОВА

